

Н. И. ИЛЬИНСКАЯ

**Масонские мотивы и образы
в поэзии М. Волошина и Е. Шварц:
типологический аспект**

Религиозно-философские искания в поэзии русского модернизма не располагаются исключительно в монистической, церковно-православной плоскости. <...>

В данной статье мы сосредоточимся на художественном воплощении масонской семантики и образности в русской поэзии XX века.

В русской духовной культуре масонская поэзия составляет мощную, насчитывающую более двух столетий, традицию. Зарождение поэзии «вольных каменщиков», как и других родов и жанров орденской литературы, исследователи относят к середине XVIII века. Отмечая влияние этого духовно-культурного единства на последующее литературное развитие, исследователи (П. Н. Сакулин и Н. К. Пиксанов, В. И. Сахаров)¹ пишут о «масонском стиле, о масонизме», выделяя круг авторов и текстов, составляющих своего рода «национальный канон» классического литературного масонства.

Интерес к масонству, которое «насквозь художественно, литературно» (В. Сахаров), обостряется в переходные эпохи. Одна из причин — масонская критика просветительской философии, возвестившей «царство разума» в XVIII веке, антипозитивистские настроения в конце XIX — начале XX века. В культурном поле преромантизма масонство «существует» в числе других традиций: языческой мифологии, античной, библейской, просветительской, барочной. В эпоху модернизма и постмодернизма добавляются теософия, антропософия, герметизм, различного рода мистические учения вплоть до практической магии. Особое место масонский код занимает в русском модернизме, известном внеконфессиональными религиозно-философскими исканиями и тяготением к различного рода синтезу. Прежде всего, это отмеченная масонской семантикой, образностью и символикой поэзия М. Волошина, Н. Гумилева, О. Мандельштама, ориентированное на розенкрейцерство творчество младосимволистов А. Белого и А. Блока.

<...>

Отсюда цель работы — проанализировать семантику и поэтику масонского кода, их модификации в творчестве Максимилиана Волошина и Елены Шварц как наиболее репрезентативного для изучения данной проблемы. В процессе анализа для контекста привлекаются произведения других авторов.

Проблема взаимосвязи поэзии Серебряного века и новейшей с эзотерикой, оккультными учениями в тех или иных аспектах рассматривается в работах Н. Богомолова, И. Есаулова, Г. Нефедьева, В. Никитина, Г. Обатнина, О. Овчаренко, С. Слободнюка, М. Йовановича. Названы далеко не все, поскольку интерес к данным вопросам составляет устойчивый сюжет современной исследовательской литературы. В заявленном нами ракурсе специального исследования не проводилось.

Поскольку речь идет о закрытой организации (по словам И. Лопухина, «таинство Ордена не может быть всякому известно»²), сразу же акцентируем некоторые ограничения. В нашу задачу не входит, во-первых, полемика относительно разделения поэтов на действительно «посвященных» и «масонствующих» — для интерпретации их творчества достаточно соответствующей проблематики. Во-вторых, вне нашей компетенции выявление специфики различных школ или лож масонов — франк-масонов, розенкрейцеров, иллюминатов, тамплиеров за исключением случаев, необходимых для адекватного прочтения поэтических текстов.

Масонская поэзия рассматривается нами как духовно-культурный феномен, содержащий эзотерические знания, этические нормы и постулаты, мотивы, символику и образность данной внеконфессиональной религиозности. Однако ориентация на «своего» читателя, способного к дешифровке масонского кода, конечно же, не исключает ее восприятия в других культурно-религиозных парадигмах. Обратимся к примеру.

Так, существуют работы, в которых поэзия Н. Гумилева, а иногда одни те же стихи, рассматриваются: а) в масонской системе координат³ б) как произведения «подлинно христианского поэта», осознающего «религиозно-этический пафос своего творчества»⁴; в) такими, в которых «для библейского Бога вообще нет места»⁵, поскольку это — «дьяволодицея». Ортодоксальные исследователи вообще считают, что «художник отказывается решать духовные вопросы, он о них часто не знает. ...Гумилев и родственные ему поэты... знали иное: сатанинский соблазн»⁶.

Широкий и полярный спектр мнений лишний раз подтверждает сложность вопроса. В завершении обзора приведем еще одно суждение. «Проблема связи Гумилева с разного рода мистическими учениями современной ему эпохи — проблема совершенно очевидная, зафиксированная в многочисленных документах и наблюдениях» — пишет Н. Богомолов⁷. И, дополним, — в поэтическом творчестве. По-видимому, литературоведами не всегда учитывается «дрейфование» типов религи-

озности, их пересечение с другими духовными традициями и практиками, в результате которого создаются нетрадиционные модели сознания и стилевые синтезы.

Эта особенность проявляется и при изучении «масонского стиля» (П. Н. Сакулин) в поэзии XX века. Как пишет авторитетный исследователь, «масонскую литературу в «чистом» виде обнаружить практически невозможно: она всегда таится, не желает высказаться прямо, изобретает условный язык-шифр, умело скрывается за различными личинами и сложными иносказаниями, для выражения своих сокровенных идей пользуется готовыми художественными формами, жанрами и стилями, созданными другими направлениями»⁸. И это действительно так. В определении структуры масонского кода, его поэтической семантики — мотивов, образности, символики, ассоциативного поля и коннотаций нами учтены такие черты масонского сознания, как иерархичность и иератичность (обрядность).

Представляется возможным назвать концептуальные и стилевые параметры орденовой поэзии, которые оказались созвучными религиозно-поэтическому сознанию XX века:

1. Абсолютной Истиной, вершиной иерархии является Бог — великий Зодчий, «являющийся разновидностью топоса Бога-Ремесленника (*Deus Artifex*). *Deus Artifex* — инвариант, изменяющийся от страны к стране, от эпохи к эпохе и от автора к автору: Бог предстает то собственно художником, то скульптором, то архитектором, то часовщиком, но всегда останется делателем, *Мастером*» (курсив автора — Т. Смоляровой)⁹. Великолепие и красота Верховного Строителя — Бога отражены в соборах, храмах. Тем самым подчеркивается высокий ценностный статус архитектуры в масонской символике, сохранившей память о строителях и зодчих средневековых храмов (цикл «Руанский собор» М. Волошина», «Адмиралтейство», «Айя-София» О. Мандельштама). Таким же высоким статусом обладает масонский мотив утерянного Слова как поиски божественного в самом себе, Слова-камня (стихотворения «Память», «Слово» Н. Гумилева).

2. Инвариантом масонского кода, оказавшегося близким адогматичности модернистов и постмодернистов, является масонский универсализм. Его особенность в том, что «при наличии глубоких христианских корней и позитивного отношения к главным конфессиям, он не воспринял их догматики и поучений святых отцов, ограничиваясь воспроизводством элементов религиозной обрядности вроде молитв и проповедей, почитания святых Иоанна Крестителя, Иоанна Богослова и др.»¹⁰. Яркой иллюстрацией является стихотворение Е. Шварц из цикла с символическим названием «Лестница с дырявыми площадками (5-й этаж верх)». Приведем его полностью.

Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги,
 Когда Он шел с крестом по выжженной дороге,
 Потом я сердце новое сошью.
 На нем останется — и пыль с Его ступни,
 И тень креста, который Он несёт.
 Все это кровь размочит, разнесёт,
 И весь состав мой будет просветлён,
 И весь состав мой будет напоён
 Страданья светом.
 Есть всё: тень дерева, и глина, и цемент,
 От света я возьму четвёртый элемент
 И выстрою в течение долгих зим
 Внутригрудной Ерусалим.

Уже в название стихотворения содержится авторский «ключ» для «дешифровки» эзотерического подтекста и символики образов. В масонской образности лестница с ее ступенями — это эмблема духовного странствия души. В стихотворении запечатлены «этапы» посвяtitельного гнозиса масонов, цель которого — преодоление «ветхого Адама», сотворенного из глины, и обретение Света. Этот путь к Абсолюту художественно выражен устойчивой формулой орденской поэзии Бог — Свет. Сопоставление ключевых мифологем стихотворения Е. Шварц — лестница, «внутригрудной Ерусалим» (храм души), Свет, символика нумерологии (цифра 5) — со строками масонского гимна, отчетливо демонстрирует интертекстуальные переклички:

Открылся к свету новый путь
 Через крепость в вечный храм свободы,
 К науке пятой вскинь свой взор,
 В ней узришь всех наук собор.

В обоих текстах мифологема «свет» наделяется высоким сакральным статусом, характерным как для Библии: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин 1: 5), так и для масонской догматики. Девиз вольных каменщиков: «Да будет Свет; и стал Свет» (лат. «Fiat lux et lux fit»), и жизнь посвяtitельных — это поиски великого Света истины. Об этом масонские гимны и песнопения: «Ты жизнь всегда творишь из тленья / Из тьмы рождаешь вечный свет»; «О мой Господь! О свет Светов!»; «Сей свет тому, конечно, ясен, / Кто тьму внутри и вне узрел»¹¹.

Образ Христова распятия в стихотворении Е. Шварц также может быть интерпретирован в масонской парадигме. В предисловии М. Волошина к циклу «Руанский собор» находим следующее: «Пятая ступень — это смерть на кресте. «Мировая душа распята на кресте

мирового тела». Распятие — это символ божества, воплощающегося в материи¹². Как видим, в результате инициации лирическая героиня, подобно пушкинскому пророку, преображается, обретая «сердце новое», уподобленное созданию храма. В данном случае культурная преемственность заключается в наследовании традиции.

3. Корреспондируя с концептами русской «внецерковной религиозности» (В. Зеньковский), масонский код отражает различные традиции. Среди них — ориентация на идеи «внутреннего человека», его духовное прозрение и преображение, гармонизацию мира личности, присущая также востребованному модернистами неоплатонизму. Масоны исходили из признания двух миров — земного («недолжного») и неземного («должного»). Это двоемирие свойственно не только христианской религии, но и другим верованиям. Русские философы-мистики, провозглашая необходимость признания двух миров, отрицали их равноценность. Они стремились доказать суету и бренность посюстороннего бытия — мира материальных вещей и явлений. В орденской поэзии это воплощается в сквозных мотивах земной тщеты, любви к смерти, умирания и повторного рождения, образах слепца, «молнии сует». Так, в стихотворении Е. Шварц «Распродажа библиотеки историка» масонский код реализуется мотивом пренебрежения мирской суетой, материальными ценностями («нагой», «чужой башмак», «он в комнате пустой»), характерным для данной просветительно-культурной парадигмы. Сознание лирического субъекта в земном «нисхождении» достигает высот внутреннего зрения — тайнознания. Это состояние манифестировано знаком слепоты («безглазо»), наделенного высоким ценностным статусом в масонском ритуале и символике как залог будущего духовного прозрения.

4. Особую значимость для масонского сознания имеет мифологема пути. Его цель — мистическое соединение «внутреннего человека», стремящегося познать свет, с «внутренней церковью» — ключевой идеологемой масонства, понимаемой как царство Божие внутри человека¹³. В поэзии русского модернизма укоренены характерные для масонства образы вечного странника, «путника по вселенным», высокий аксиологический статус путешествий, в частности мореплавания как шестой из семи, возвещающей «всеобщее возрождение», ступеней «дороги света» (Via Lucis)¹⁴. <...>

5. К инвариантам масонского кода относится ритуалистика. Это обряды посвящения в «вольные каменщики», масонские ритуалы очищения четырьмя природными стихиями — огнем, водой, землей и воздухом. В процессе символического в них погружения происходит преодоление низменной сути человека¹⁵. Мотив ритуального очищения ярко представлен в VI стихотворении цикла «Руанский собор» с символическим

названием «Погребень». Он реализуется через образы евангельского зерна («семени») и фольклорно-мифологического образа Великой Матери сырой земли. Последний в мифопоэтике М. Волошина сакрализован до евхаристического: «Твоему страдающему телу / Причащаюсь, темная земля». Умирая, семя прорастает «цветком собора», то есть «внутреннего храма». Так М. Волошин «зашифровывает» масонский ритуал очищения земель, водой — источником жизни («Под ногой не гулкой чую камень, / а журчанье вещей вод) и огнем («факел жизни — огненная Смерть»). Мотив ритуальной смерти исследователями рассмотрен в «Заблудившемся трамвае», «Моих читателей» Н. Гумилева (наблюдение М. Йовановича).

Масонский код художественно воплощается в ритуальных действиях, среди которых особое место принадлежит инициации. Как известно, ее назначение — передача знаний о ритуалах, символах, этических идеях Ордена, но главное — через «внутреннюю смерть» стимулировать и направлять повторно рожденного к Деланию: началу новой жизни и духовному совершенству. В поэзии М. Волошина и Е. Шварц мотив посвятительного обряда подвергается трансформациям. Так, в стихотворении М. Волошина «Обманите меня...» (его первое название «Встречной») запечатлены этапы инициации, достаточно известные по русской классической литературе. Это движение неопита за «кем-то в темноте наобум» «лабиринтом неведомых зал», с традиционной повязкой на глазах, символизирующей слепоту (в масонстве она косвенно соотносится с крестом), «блуждание» человека в поисках святыни. Однако авторская интенция иная.

Как представляется, стихотворение восходит к европейской традиции утонченно мистической (и в то же время явно эротической) поэзии Данте, Петрарки, когда «эротическое желание и религиозная страсть, питая друг друга, сливаются в литургию эросу»¹⁶. В поэзии Серебряного века соединение эротического с религиозно-экстатическим не редкость. Яркие примеры — творчество А. Блока, Вяч. Иванова; эзотерический смысл присущ любовной лирике последнего сборника Н. Гумилева, но только у М. Волошина это связано с масонским кодом. <...>

6. В масонском коде поэзии XX века актуализированы символы и знаки, идентифицирующие сугубо масонскую парадигму, например, «звенья позвонков». Это образ наделен особой валентностью, так как, согласно секретной доктрине, столб позвоночника содержит сакральное число — тридцать три звена. Через них движется Духовный Огонь — воплощение духовной сущности человека, заключенной в теле, поскольку «точная наука духовного возрождения есть Утерянный Ключ Масонства... Духовный Огонь поднимается через тридцать три ступени или позвонка»¹⁷.

Образ-символ позвоночника разветвленно представлен в поэзии О. Мандельштама. Здесь он выступает «проводником» культурной памяти, олицетворяя связь времен. <...> Особенно наглядно эта модальность проявляется в сравнении со стихотворением М. Волошина «Ветер с неба клочья облак вытер...». Комментаторы предполагают, что образ «змею препоящу» содержит отсылку к теософскому понятию кундалини. Благодаря его энергии лирический субъект стремится к восхождению, ощущая себя чашей — божественным сосудом, «переполненным светами». Проведенное сопоставление позволяет утверждать присущий масонству синкретизм духовно-эстетических поисков, позволяющий авторам постичь «идею Традиции» (Р. Генон), то есть сокровенную и нерушимую преемственность, восходящую, в конечном счете, к «первому из пророков» — праотцу человечества Адаму.

Таким образом, актуализация масонского кода в поэтическом пространстве кризисных эпох вызвана адогматическим характером, идеями вероисповедальной свободы, внеконфессиональной, универсальной религиозностью, религиозно-философским синкретизмом этого религиозно-мистического учения. Однако если для модернистов интерес к глубокой архаике и эзотерическим практикам — это возможность расширить культурно-религиозные горизонты, открыть истоки Богопознания, реализовать чаемый синтез и всеединство, то для поэтов андеграунда — это эскейпизм в неосвоенные официальной литературой территории, игра с эзотерической образностью как одним из языков культуры. В новейшей русской поэзии эзотерическая проблематика продуцируется в различных вариантах преемственности и художественной модальности, но самый яркий — игровой модус и травестия.

<2014>

